

мышляет и выражает себя. Эти принципы обеспечивают устойчивую основу для формирования читательской культуры, развития мышления и эмоциональной отзывчивости, а также подготовки младших школьников к самостоятельному обучению и жизни в информационно насыщенном мире.

Заключение. Сохранение высокого уровня устной и письменной культуры предполагает непрерывные и целенаправленные усилия, а также наличие действенных механизмов для продвижения и укрепления культуры чтения. Ключевыми задачами для каждого участника образовательного процесса должно стать воспитание разносторонне и гармонично развитой личности. В наши дни подавляющее число учителей и родителей осознаёт важность максимального внимания к развитию внутреннего мира ребёнка, к закладке в нём творческого начала. Особую роль в этом процессе играет чтение: через общение с книгой молодое поколение не только осваивает историю, современность и перспективы мира, но и обретает духовный рост, соприкасается с богатствами литературы и искусства, формирует возвышенные эстетические вкусы и черты. В итоге закладывается моральная и культурная основа характера.

Список использованных источников:

1. Крицкая, Н. В. Читательская грамотность как основа начального литературного образования / Н. В. Крицкая // Наука - образованию, производству, экономике : материалы 78-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 22-23 января 2026 г. : текстовое электронное издание. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2026. – С. 360-363. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/49931> (дата обращения: 13.02.2026) – Текст: электронный.
2. Поливанов Л.И. В защиту литературных произведений как предмета обучения в средних учебных заведениях // Циркуляр по Московскому учебному округу. – 1868. – №1. – 12 с.
3. Светловская, Н.Н. Самостоятельное чтение младших школьников: (Теорет.-эксперим. исслед.) / Н.Н. Светловская. – Москва: Педагогика, 1980. – 159 с.

М.А. ЗАРАКОВСКАЯ

Республика Беларусь, Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

К ВОПРОСУ О ДУХОВНЫХ ИСТОКАХ «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРАХ

Введение. Феномен «лишнего человека» представляет собой один из основных и наиболее сложных, многоплановых образов в истории мировой литературы. Возникнув в русской литературе XIX века как тип героя, остро сознающего свое отчуждение от общественных устоев и неспособного найти себе значимое применение, этот архетип оказался удивительно жизнеспособным и универсальным. Он не только трансформировался в литературах других культур, в нашем случае в китайской, но и вышел за рамки чисто литературного явления, став предметом философского осмысления. Цель данной работы – выявление и сравнительный анализ того, как китайские и русские духовные традиции формируют систему координат, в рам-

ках которой возникает, описывается и интерпретируется тип «лишнего человека». В качестве методологической базы нами был выбран междисциплинарный подход, связывающий литературоведческий анализ с философской компаративистикой. Это и обусловило актуальность проведенного нами исследования.

Основная часть. Термин «лишний человек» вошел в литературный мир после выхода в свет «Дневника лишнего человека» И.С. Тургенева (1850), однако сам литературный тип сложился гораздо раньше. К «лишним людям» можно отнести Чацкого («Горе от ума» А.С. Грибоедова), Онегина («Евгений Онегин» А.С. Пушкина), Печорина («Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова), Бельтова («Кто виноват?» А.И. Герцена), Базарова («Отцы и дети» И.С. Тургенева). В целом, можно сказать, что лишним можно назвать человека (литературного персонажа), находящегося в социальной изоляции. Этот тип людей возникал в обществе (или их идентификация в общественном сознании) как неизбежное следствие социальных потрясений и духовных разломов [1, с. 44].

Однако понимание «лишнего человека» лишь как социального типа или психологического портрета эпохи является недостаточным. Истоки его постоянной тоски, мучительной рефлексии и конфликта с миром находятся в более глубоких пластах – в базовых системах ценностей и представлениях о месте человека в мире, то есть в духовных истоках национальной культуры. И тогда собственно предметом нашего исследования становится роль философско-религиозных систем: китайской (конфуцианство и даосизм) и русской религиозной философии XIX–XX веков в формировании и осмыслении духовно-ценностных оснований феномена «лишнего человека».

Китайская культурная традиция предлагает два фундаментальных и взаимодополняющих и взаимообусловленных способа осмысления места человека в мире: конфуцианство – как проект социальной гармонии, и даосизм – как проект гармонии с природой и космосом. Феномен «лишнего человека» в китайской культуре возникает на диффузной границе между этими двумя религиозными учениями.

Конфуцианство, оформившееся в учении Кун-цзы (551–479 гг. до н.э.) и развитое его последователями, носит выраженный этико-социальный характер, целью этого учения является установление совершенного порядка в Поднебесной [2].

Ключевые концепции конфуцианства:

1; жэнь (仁) – «человеколюбие», «гуманность». Высшая добродетель, реализуемая в обществе, в отношениях с другими;

2; ли (礼) – «ритуал», «этикет», «церемонии». Система социальных норм и поведенческих кодов, структурирующая общество (отношения «правитель – подданный», «отец – сын», «муж – жена», «старший – младший»);

3; и (义) – «долг или справедливость». Моральное предписание поступать правильно в соответствии со своим статусом и жизненной ситуацией;

4; идеал Цзюньцзы (君子) – «благородный муж», причем не по рождению, а по воспитанию и нравственным усилиям. Цзюньцзы служит государству и обществу, является моральным ориентиром.

Конфуцианский «нормотипичный» человек – это человек, органично включенный в сеть социальных иерархических связей, честно исполняющий свой долг в соответствии с нормами, стремящийся к гуманности. Его идентичность определяется его социальными ролями (сын, чиновник, отец и т.д.). Смысл жизни – в служении семье, государству, сохранении национальных и культурных традиций.

Конфуцианский «лишний» человек – это тот, кто выпадает из этой строгой социальной системы.

Он может быть:

1; неспособным к службе (по причине неприятия коррупции или глупости власти, как многие ученые-отшельники);

2; нежелающим соответствовать ритуалам, которые он считает лицемерными;

3; рефлексирующим сверх меры, тогда как конфуцианство ценит прагматичное действие;

4; эгоцентричным, погруженным в личные переживания в ущерб общественным обязанностям.

Конфуцианство задает жесткий социальный критерий ценности человека. «Лишний человек» здесь – это маргинальный, асоциальный, бесполезный. Герой становится «лишним» лишь потому, что он не функционален для поддержания гармонии Поднебесной.

Даосизм предлагает радикально иную, космоцентричную перспективу. Высшая ценность – это не человеческое общество, а вечное и неисповедимое Дао (Путь), первооснова и закон всего сущего.

Ключевые концепции даосизма:

1; дао (道) – путь. Естественный ход вещей, спонтанная устроенность жизни. И тогда очень частой искусственной преградой на пути Дао становятся социальные установки и стереотипы;

2; у-вэй (无为) – «недеяние». Не бездействие, а действие в соответствии с природой вещей, без насильственного вмешательства, суеты и эгоистичных целей, своего рода созерцательная жизненная позиция, являющаяся противоположностью конфуцианской выраженной социальной активности;

3; цзыжань (自然) – «самоестественность», спонтанность. Идеал жизни, следующей собственной внутренней природе, подобно воде или тростнику, сгибающемуся по воле ветра;

4; отстраненность от мира суеты. Выражается в склонности к критике искусственных условностей, карьерных амбиций, интеллектуального жеманства [3].

Даосский «подлинный» человек (Чжэньжэнь) – это мудрец, который отказывается от социальных амбиций и условностей, живет просто, в единстве с природой, следуя принципу у-вэй. Он может выглядеть «бесполезным» для общества (как кривое дерево в «Чжуан-цзы»), но в этом его сила и свобода.

Рассматривая даосизм как духовный источник «лишнего человека», можно отметить, что здесь отчужденность от общества оборачивается «подлинностью», «естественностью» для себя и космоса.

Пассивность, отстраненность, игнорирование карьерного роста, критика общества и государства – это получает в даосизме высокое философское оправдание. Герой-неудачник в конфуцианской системе может быть тайным праведником в даосской. Его внутренний мир и поиск гармонии с собой становятся важнее внешних успехов.

Даосизм является продуманной и очень логичной концепцией, позволяющей подвести философскую базу под социальную пассивность, отстраненность. Он превращает конфуцианского «маргинала» в философского героя, сознательно избравшего путь «вне общества» ради жизни «в согласии с Дао».

Если китайская философская мысль предлагает универсальную оппозицию «социум – космос», то русская религиозная философия конца XIX – начала XX веков (В. Соловьёв, Н. Бердяев, С. Булгаков) строит свою систему координат вокруг оппозиции «разорванность – целостность». Феномен «лишнего человека» здесь осмысливается не как социальная неудача, а как духовный поиск.

Русская религиозная философия реагировала на общественный кризис, предлагая преодоление социальной разобщенности через восстановление духовной связи человека с Богом, миром и другими людьми.

Ключевые концепции:

1; всеединство (В. Соловьёв). Идея о том, что истинное бытие – это органическая, пронизанная Божественным началом целостность всего сущего. Разобщенность, эгоизм – это падшее, неподлинное состояние мира;

2; соборность (А.С. Хомяков). Не внешняя, задекларированная церковность, а внутреннее свободное единство людей в любви к истине, где личность не растворяется, а обогащается в связи с другими (противопоставляется индивидуализму, и коллективизму);

3; богочеловечество. История как совместный путь Бога и человечества к сохранению и улучшению мира. Человек призван к активному творческому сотрудничеству с Богом [4].

Философский идеал «своего» человека: это личность, но не индивидуалист. Личность, нашедшая себя в свободном соборном единстве с другими и с Богом, устремленная к преображению мира (идея богочеловечества).

Его жизнь имеет смысл как служение высшей Истине и Добру, как творческое участие в осуществлении всеединства. Он встроен не в четкую социальную иерархию (как в конфуцианстве), а в метафизический порядок любви, истины и смысла.

«Лишний» человек с точки зрения этого идеала – это тот, кто утратил или не обрел эту связь. Ему свойственны метафизическая отчужденность, духовное сиротство. Он не способен к соборности, замкнут в своем «я» (как индивидуалист). Он не видит высшего смысла в служении абстрактным государственным или социальным идеалам (мы видим критику «прогресса» у славянофилов и Бердяева). Его постоянная рефлексия и бездействие – симптомы утраты живой веры и органической связи с почвой, народом, традицией (тема «отщепенства» интеллигенции).

Русская философия задает духовно-метафизический критерий, согласно которому «лишность» не просто социальная неустроенность, а экзистенциальная потерянности, разорванность связей, делающих бытие осмысленным.

Несколько иную философскую основу феномена «лишнего человека» предлагает Н. Бердяев, который дает особенно глубокую интерпретацию и частичную реабилитацию «лишнего человека» через призму творчества и трагической свободы.

Ключевые концепции Бердяева:

1; свобода над бытием. Свобода (в том числе иррациональная, ведущая к негативу) есть первичная основа личности, и она выше благополучия, порядка и даже «спасения»;

2; творчество как долг. Назначение человека – не спасти душу в покое, а творить новую ценность, продолжать миротворение. Это аристократический, элитарный акт;

3; конфликт личности и объективации. Подлинный мир духа и свободы (царство личности) враждебен миру объективации - овеществленному, безличному миру общества, государства, законов, условностей (аналог конфуцианского Ли и критикуемой даосами «суеты»).

Бердяевский «подлинный» человек – это творец, бунтарь, аристократ духа, который постоянно преодолевает взаимообусловленность объективированного мира. Его судьба – одиночество и конфликт с миром.

Н. Бердяев выступает как защитник «лишнего». С его точки зрения, «лишний человек» (Чацкий, Онегин, Печорин, герои Достоевского, Тургенева) – это часто личность, не принявшая лжи объективированного мира. Его страдание, бездействие или разрушительность – трагическая плата за свободу, за неспособность принять готовые, фальшивые формы жизни. Бердяев, оставаясь в русле религиозной философии, дает «лишнему человеку» высшее духовное алиби. Его тип близок даосскому мудрецу, но не в бегстве к природе, а в бунте против объективации во имя творческой свободы личности.

Заключение. Таким образом, критерии «лишнего» человека задаются нормативным идеалом культуры. Конфуцианский порядок вещей и русский идеал всеединства и соборности определяют образ «правильной», осмысленной жизни.

Даосизм, с его культом естественности и принципом «не-деяния», превращает социального неудачника в мудреца, сознательно избравшего путь гармонии с космосом. Русская философия свободы (Н. Бердяев) видит в «лишнем человеке» жертву мира «объективации» и потенциального творца, чья неприкаянность – трагическая плата за нереализованную свободу личности.

Список использованных источников:

1. Никольский, Е.В. Образ лишнего человека в русской литературе XIX века и в творчестве китайского писателя Юй Дафу / Е.В. Никольский // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Том 12. – Выпуск 7. – С. 43-49.
2. Кобзев, А. И. Конфуцианство. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мысль, 2010. – 2816 с.
3. Кобзев А. И. Дао и даосизм в Китае / А.И. Кобзев// Отв. ред. Л. С. Васильев. – М.: Науч. ка, 1982. – 289 с.
4. Громов М. Н. Русская философия. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мысль, 2010. – 2816 с.

А.А. ИВАНОВА

Республика Беларусь, Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

Введение. Как мы знаем, человек существо социальное, его развитие зависит от социальных законов общества. С первых дней своей жизни человек находится в социуме, и в течение всей своей жизни живет в условиях постоянно меняющегося социального окружения. Вступая в отношения разного характера с людьми, человек удовлетворяет свои материальные и духовные потребности.

Изучая окружающий мир и себя, ребёнок становится частью общества, и его социальная природа проявляется во взаимодействии с другими людьми. Социальные качества, которые формируются у ребенка в период обучения в начальной школе, система ценностей, к которой он приобщается, во многом определяют становление его личности, характер поведения, отношения к себе, окружающим, своему делу. Педагоги и родители должны знать и учитывать особенности социализации детей в процессе организации воспитательной работы [1].

Вышесказанное обусловило цель исследования: изучить особенности социализации учащихся начальных классов.

Основная часть. В течение всей жизни происходит процесс формирования личности, известный как социализация. Социализация – это процесс